

Сергей
ЗВЕРЕВ

Залетный ФРАЕР

ЖИГАН

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Жиган

Сергей Зверев

Залетный фраер

«Научная книга»

Зверев С. И.

Залетный фраер / С. И. Зверев — «Научная книга», — (Жиган)

Жигану к переделкам не привыкать: сначала Афган, после него – зона, а затем вся его беспокойная жизнь научили Костю Панфилова быть готовым к бою в любой момент. Но хорошо, когда ты один, в себе-то Жиган уверен, а если на руках у тебя малолетняя дочка погибшего друга, за спиной, кроме пары-тройки трупов, еще и свора ментов, жаждущих твоей крови, а помощи ждать неоткуда? Ладно, есть ствол, есть кулак, есть лихая солдатская храбрость, ее-то Жигану не занимать...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Зверев

Залетный фраер

Глава 1

Их было двое. Если, конечно, не считать трупа, который эти бравые молодцы с приплюснутыми, словно у боксеров, ушами пытались упаковать в черный полиэтиленовый пакет. То, что это был труп, а не какой-нибудь персидский ковер, Константин просек сразу, как только переступил порог этой квартиры – на него со страхом уставились две пары глаз. Оно и понятно – мало кто радуется, когда его подлавливают на таком гнусном занятии, как заметание следов.

Он видел крупные капли пота, выступившие на лбу у одного из парней, видел, как нервно дернул щекой второй... Парни тарачились на него, как на привидение, и явно не знали, что предпринять. Нетрудно было догадаться, что через секунду-другую, справившись с замешательством, они придут к единственно правильному, на их взгляд, решению: хороший свидетель – мертвый свидетель. И, не сговариваясь, ринутся в бой. И в квартире станет одним трупом больше. И счет будет – два на два... Выражаясь спортивным языком, «очевидная ничья»...

Нет, такой вариант Константина совсем не устраивал. Но, чтобы выжить, он должен был действовать на опережение. За какую-то долю секунды просчитав более опасного из этих двоих – узколобого блондина, напоминающего орангутанга, – схватил его за волосы и, ударив головой о свое колено, со всего размаху врезал ногой ему в пах. Скорчившись от боли, парень протяжно застонал и обеими руками схватился за свою мошонку. Его напарник, тоже светловолосый, но с умеренно-дебильной физиономией, попытался выхватить оружие. Точный удар ногой по предплечью, и пистолет со свистом улетел в дальний угол прихожей. Не давая противнику прийти в себя, Константин обхватил его за шею и резко опрокинул назад. Грохнувшись на грязный линолеум, парень мгновенно отрубился. Похоже, ударился головой. Через секунду к нему присоединился и обезьяноподобный напарник – Константин послал его в нокаут повторным ударом в пах.

Окинув удовлетворенным взглядом поверженных противников, Константин хотел было по-быстрому уйти, но вдруг вспомнил о трупе. И мысленно чертыхнулся. Если вначале у него не было никакого желания убивать этих кретинов, то сейчас нестерпимо захотелось переломать им шейные позвонки. Борясь с желанием сделать это сию минуту, Константин присел на корточки и пару мгновений осматривал очертания тела, запакowanego в черный полиэтилен. Стоит ли открывать застежку-«молнию», чтобы убедиться в том, что в полиэтилене – Полина Дегтяренко, та самая женщина, из-за которой Константин примчался в этот чертов Минск?... А может, не стоит?

...Полину Дегтяренко он никогда не видел. Даже на фотографии. Зато с ее мужем Павлом был знаком более пятнадцати лет. Вместе воевали в Афгане, вместе лежали в госпитале. Как говорится, плечом к плечу прошли огонь, воду и медные трубы. Затем на многие годы потеряли друг друга из виду. Но месяц назад совершенно случайно их пути вновь пересеклись. На ликероводочный завод в Подмоскowie, где Пашка вкалывал, как соловецкий узник, Константина привело частное расследование. Именно там, в грязном и сыром подвале, похитители прятали дочь нефтяного магната, у которой Константину «посчастливилось» работать телохранителем. Пашка тогда здорово помог ему. Девчонку из беды выручили, всех изуверов уложили, но хеппи-энда, увы, не получилось – Пашка погиб. А если быть до конца откровенным, умер от многочисленных травм, полученных на этом чертовом заводике, где к рабочим относились, мягко говоря, по-скотски.

Перед самой смертью Пашка попросил Константина позаботиться о его семье – жене Полине и шестилетней дочери Юльке, проживающих в Минске. Полина, по его словам, порхала по жизни, словно бабочка – была легкомысленной и расточительной. Про таких говорят: «Без царя в голове». Понятно, почему Пашка не на шутку беспокоился о дочери. Тем более что никаких родственников у Полины не было – Пашкины родители умерли несколько лет назад, а сама она воспитывалась в детдоме.

Константин не мог пренебречь просьбой друга. Ведь там, на заводе, Пашка спас ему жизнь. А значит, часть гонорара, полученного за спасение дочери нефтяного магната, по праву принадлежала ему. И теперь, после Пашкиной смерти, Константин был просто обязан передать эти деньги Полине Дегтяренко... В Москве он открыл счет на ее имя и хотел было известить Полину об этом по телефону. Но, поразмыслив, решил все же повидаться со вдовой. Такие новости лучше сообщать при встрече. Благо, Беларусь – не Крайний Север и даже не Западная Европа...

Минск встретил его теплым морозящим дождичком. Константин хотел было позвонить Полине и предупредить ее о своем визите, а заодно узнать, где она живет, но московская карточка в местных телефонных автоматах не срабатывала. И тогда он обратился в справочное бюро, где ему сообщили, что Полина Дегтяренко проживает на улице Краснозвездной в доме номер три, квартире четырнадцать. Нужный дом отыскался без труда – благо, жена и дочь Дегтяренко проживали чуть ли не в центре столицы, совсем рядом со станцией метро «Площадь Победы». Их квартира оказалась на четвертом этаже, и дверь, ведущая в нее, была почему-то приоткрыта. Вспомнив Пашкины слова о безалаберности Полины, Константин толкнул дверь, перешагнул порог прихожей и увидел двух бравых молодцев, «колдующих» над трупом...

И вот теперь он тщетно пытался решить дилемму – стоит ли дергать за «собачку» «молнии»? Ну увидит он мертвенно-бледное женское лицо, на котором застыл поцелуй смерти, и что? Станет ему от этого легче?.. Пожалуй, нет. Правда, после этого он с чистой совестью сможет свернуть головы подонкам, что валяются у него под ногами, а затем свалить отсюда к чертовой матери...

Вдох-выдох, и застежка с легким скрипом поползла вниз. Константин увидел восковой лоб с высокими залысинами, острый птичий нос, глубоко посаженные глаза, смотрящие в никуда, рот, сведенный судорогой страха... Взгляд Константина остановился на сухой жилистой шее, на которой отчетливо просматривался багрово-синий след от удувки.

«Черт побери, так это же мужик! – Тупо уставившись на труп, Константин сглотнул слюну. – Может, я адрес перепутал?.. Город все-таки незнакомый...»

В глаза бросился уголок темно-синей книжечки, торчащей из нагрудного кармана покойника. Сгорая от любопытства, Константин вытащил ее и увидел на обложке золотой тисненый герб, до боли похожий на герб Советского Союза, и надпись «Паспорт» на трех языках. И в этот момент в глубине квартиры протяжно зазвонил телефон...

Вздвогнув от неожиданности, Константин бросил взгляд на лежащих на полу парней. Ни один, ни второй все еще не пришел в себя. Похоже, работая кулаками, он слегка переусердствовал. Но кто ж знал, что у этих горилл такие слабые головы?

Телефонные звонки прекратились, и Константин вскочил на ноги.

«Пора смываться!»

Менее чем через минуту он уже сбегал по ступенькам крутой лестницы, прислушиваясь к ударам сердца и мысленно уговаривая себя выбросить из головы это неприятное приключение. Даже если ему дали правильный адрес, Полина могла продать квартиру и переехать. Не исключено, что в другой город. А что касается того мужика с залысинами, труп которого остался лежать в четырнадцатой квартире, то пусть земля ему будет пухом. Правда, Константин очень сомневался, что несчастного похоронят по христианским обычаям. Скорее всего сожгут в крематории или закопают в глухом лесу. Или, того хуже, отдадут на съедение рыбам...

Лишь когда за ним захлопнулась дверь подъезда, Константин вдруг заметил, что все еще сжимает в руке паспорт, найденный в кармане покойника. Надо же, он совершенно забыл про него! Мгновение поколебавшись, сунул синюю книжечку в куртку.

«Избавлюсь при первой же возможности!» – твердо решил он и уверенным шагом направился в сторону центрального проспекта, переливающегося огнями, словно новогодняя елка...

* * *

Гостиница, в которой поселился Константин Панфилов, мало походила на пятизвездочный отель. Несмотря на приличную сумму, которую ему пришлось выложить за номер-люкс, расположенный на втором этаже, сервис не соответствовал европейским стандартам. Полотенца в номере были влажными, унитаз урчал, а мебель на первый взгляд казалась совершенно добитой. Константин даже засомневался – не ошиблась ли дежурная-администратор, выдав ему ключ именно от этого номера?

Впрочем, он никогда не был ярым поклонником комфорта. Несколько ночей мог бы перекантоваться и в гораздо худших условиях. А здесь хотя бы есть телевизор и холодильник, так что со скуки или голодной смертью он точно не умрет.

Заперев за собой дверь, он бросил сумку в угол комнаты и, вытряхивая из пачки сигарету, подошел к окну. На душе было тревожно. Этот вполне милый и уютный город действовал на него угнетающе. Захотелось махнуть на все рукой и первым же поездом укатить в Москву. И забыть, как кошмарный сон, улицу с пролетарским названием Краснозвездная, кирпичный дом под номером три и четырнадцатую квартиру, где вместо симпатичной Полины и ее шестилетней дочурки он натолкнулся на черт знает кого. Если бы не слово, данное Пашке, умчался бы отсюда к чертовой матери. Уж лучше глотать пыль в окрестностях Грозного или гоняться за бандитами-отморозками по тихим московским дворикам, чем заниматься поисками молодой бабы и ее чада в десятиллионной республике. Почти то же самое, что искать иголку в стогу сена...

Но в глубине души Константин знал, что никуда не уедет, пока не выполнит последнюю просьбу друга. Он же дал слово. Значит, должен сдержать его. Тем более что в Москве его никто не ждал. Разве что фээсбэшники, да и то только для того, чтобы упрятать в Бутырку.

Нет, Константин Панфилов, более известный в определенных кругах как Жиган, не был бандитом в общепринятом смысле этого слова. Несмотря на то что ему не раз приходилось участвовать в вооруженных разборках и, что греха таить, убивать. И несмотря на то что четыре года из своих тридцати восьми он провел на зоне. Туда залетел по глупости – хотел помочь брату расплатиться с долгами и не придумал ничего лучшего, чем угнать машину. Молодой был, горячий, искренне верил, что пронесет, раз цель у него благородная. Но не пронесло... Слава богу, прокурор попался несволочной – мог бы впаять в два раза больше.

Зона стала для него хорошей школой жизни. Именно там он научился с первого взгляда определять друзей и врагов, плохих и хороших людей, трусов и храбрецов. Именно там он понял, что любую, даже безнадежную ситуацию можно переломить, если очень этого захотеть. С тех самых пор он только и делал, что переламывал безнадежные ситуации, и в результате нажил себе немало врагов как среди бандитов и фээсбэшников, так и среди сильных мира сего, именуемых олигархами.

Нет, он не считал себя новоявленным Робин Гудом. И не однажды давал себе слово не ввязываться в чужие разборки. Занимался бизнесом, пытался наладить личную жизнь, даже купил квартиру в Москве, чтобы осесть там раз и навсегда. Но каждый раз, сталкиваясь с откровенной несправедливостью, почему-то не мог равнодушно стоять в стороне. Особенно, если видел, как из-за чьей-то алчности страдают невинные люди. Жизнь, словно бы в

насмешку, подсовывала ему новые испытания. Некоторые он преодолевал с честью. Из многих выходил победителем. Но были и такие, о которых Жигану не хотелось вспоминать...

И вот теперь он приехал в Минск. Казалось бы, с благой целью – помочь семье погибшего друга. Но не успел, как говорится, ступить на землю, как вновь погрузился в откровенный беспредел – стал невольным свидетелем убийства незнакомого мужчины.

«Тебя это совершенно не касается! – мысленно уговаривал он себя, стоя у открытого окна и равнодушно осматривая открывающийся перед ним вид. – Чужой город, чужое государство, чужие разборки. Ты приехал сюда, чтобы найти дочь и жену Пашки Дегтя. Вот если бы из квартиры выносили ее труп, тогда...»

Что было бы «тогда», Константин так и не смог четко сформулировать. Никогда не расстающийся с оружием, на этот раз он не взял с собой даже пистолета. Приехал, как говорится, налегке, с открытым сердцем, с открытой душой... И вновь окунулся в такое же дерьмо, какое в Москве можно было встретить на каждом углу.

«А может, свалить отсюда к чертовой матери? – Константин посмотрел на часы – последний поезд до Москвы уходил через сорок минут. – Если по-быстрому собрать вещи, то вполне можно успеть», – подумал он и тут же устыдился собственного малодушия. Нет, он не может уехать из Минска, не повидав Полины Дегтяренко. В конце концов, он обязан встретиться с ней хотя бы для того, чтобы сообщить о Пашкиной смерти. Даже если она переехала на новую квартиру, даже если он перепутал адрес, ему стоит вернуться на Краснозвездную еще раз. Зачем? Да хотя бы для того, чтобы поговорить с соседями.

А что касается трупа неизвестного мужчины, то он постарается выбросить из головы этот неприятный инцидент.

Глава 2

При ярком свете дня дом, в котором Константин побывал вчера вечером, показался ему не таким уж и мрачным – кирпичная четырехэтажка, построенная в середине пятидесятих, вполне добротная и респектабельная. Картину дополняли утопающая в зелени детская площадка, традиционные старушки у подъезда, трое алкашей с удивительно интеллигентными рожами, распивающих на лавочке бутылку вина со смешным названием «Крыжачок»... В общем, самый обыкновенный двор, чем-то неуловимо напоминающий тихие арбатские переулки.

Поднявшись на четвертый этаж, Константин внимательно осмотрел двери четырнадцатой квартиры – ничего такого, что внушало бы подозрение. Перед дверью – посеревший от пыли резиновый коврик. На нем – слой песка. Замок стандартный, обычная дверная ручка, «глазок» самый обыкновенный. Приложив ухо к дерматиновой обивке, прислушался. Из-за двери не доносилось ни звука. На какой-то миг ему показалось, что все произошедшее с ним вчера – не более чем игра воображения.

Терзаемый сомнениями, отошел к двери соседней квартиры и нажал кнопку звонка. Через пару мгновений до его слуха донеслись легкие, едва уловимые шаги, и женский голос спросил:

– Кто там?

– Из жэка, – соврал Константин, по опыту зная, что любой другой ответ вряд ли заставит хозяев открыть ему дверь. Послышался скрежет замков, и на пороге появилась тридцатилетняя белокурая женщина. Даже старенький выцветший халатик был не в состоянии скрыть достоинства ее отменной фигуры – высокую грудь, осиную талия, чуток широковатые бедра, точеные, словно вырезанные из мрамора, щиколотки. Мечта каждого мужика, да и только! Портили впечатление лишь порванные колготки да заношенные до дыр тапочки, «просящие каши». Перехватив взгляд Константина, женщина откровенно смутилась. И, чтобы скрыть неловкость, заговорила деланно резким голосом:

– Ну, наконец-то! Где вас черти носят? У меня говно уже через край льется! Соседи скоро счет предъявят... – И отступила назад.

Догадавшись, что его приняли за сантехника, Константин переступил порог и очутился в просторной прихожей. Похоже, что лет двадцать назад семья, проживающая в этой квартире, не знала нужды. Стены были оклеены моющимися обоями «а-ля кирпичик», модными в середине восьмидесятих, пол устелен паркетом. На стенах висели чеканки с изображением картинок из жизни грузинской деревни. Теперь же от прежней роскоши почти ничего не осталось – обои выцвели, паркет стерся до дыр, а панно стали тусклыми и почернели. В большой комнате, дверь в которую была распахнута настежь, оказалось не лучше – облупленная полированная мебель из ДСП; диван, протертый до дыр; такой же старый ковер... Стало нестерпимо горько, что такие красивые бабы, как эта блондинка, в целях экономии вынуждены носить рваные колготки, а свои лучшие годы проводить среди подобного убожества.

– Ну же, что вы там топчетесь? – послышался из глубины квартиры недовольный голос хозяйки. – Туалет у нас в конце коридора!

– Вообще-то я не сантехник, – признался Константин.

Блондинка вернулась в прихожую и смерила его настороженным взглядом:

– А кто?

– Знакомый семьи Дегтяренко. Они ведь в четырнадцатой проживают?

– Раньше проживали в четырнадцатой... Но теперь их там нет.

«Ага, значит, в справочном бюро ничего не перепутали!» – подумал Константин и уточнил:

– Они переехали?

Поколебавшись, блондинка кивнула.

– Знаете, куда?

– Нет. Адреса не оставили.

– Тогда ладно. Извините за беспокойство... – Константин собирался было уйти, но вдруг вспомнил о засоренном унитазе. Похоже, местные сантехники не очень-то и торопятся исправлять поломку. Оно и понятно – с женщины, которая не может заработать себе на колготки, навар небольшой. И им это известно гораздо лучше, чем кому-либо другому. Ну даст она им на бутылку, и что? Ради этого с говном полдня возиться?..

Тяжело вздохнув, Константин принялся расстегивать куртку:

– Я, конечно, не сантехник, но кое-что смыслю в этом деле... Идите, показывайте, что там у вас стряслось...

...Через полчаса ему удалось устранить поломку. Как оказалось, там не было ничего сверхъестественного – всего-навсего засорился унитаз. Вытащив из него кучу всякого дерьма, в прямом и переносном смысле слова, Константин заодно починил и текущие в ванной краны и прибил крючок для полотенец. От радости хозяйка потеряла дар речи. Когда Константин, вымыв руки, собрался уходить, схватила его за рукав куртки и попыталась сунуть ему в ладонь смятые купюры.

– Вы что? – возмутился Константин. – Да я вам от чистого сердца помог...

– Господи, первый раз встречаю такого человека... Тогда хоть чаю попейте... С пирожками...

Распивать чаи Константину было некогда, но, мгновение поразмыслив, он решил все же остаться – вдруг удастся узнать что-нибудь о Полине и ее дочери? Быть такого не может, чтобы ближайшая соседка не знала их нового адреса!

– Как вас зовут? – спросил он, глядя в небесно-голубые глаза женщины.

– Нина... – улыбнулась та. – А вас?

– Константин... Ну что, Нина, идемте пить чай!

Вытянутая, словно пенал, кухня поражала чистотой и убожеством. Старые подвесные шкафчики, казалось, вытащили из помойки и тщательно отдраили порошком – такой допотопной конструкции они были. А газовую плиту столь странной формы Константин видел разве что на фотографиях в книге о вкусной и здоровой пище, выпущенной в начале пятидесятых. Слава богу, что хоть тонконогая табуретка, на которую он опустился не без опаски, оказалась нерасшатанной. Иначе чаепитие пришлось бы отложить до неопределенного времени. Нина принялась суетливо расставлять на столе чашки, заваривать чай, подсовывая Константину на тарелку румяные, явно самодельные пирожки. Чтобы завязать разговор, он спросил:

– С чем пирожки-то, хозяйшка?

– С капустой... Да вы ешьте, не стесняйтесь! Сама пекла.

– А я и не стесняюсь!

Пирожки в самом деле оказались отменными. В последний раз точно такие же – с капустой – Константин ел еще тогда, когда была жива его мать. А с тех пор, похоже, и не пробовал. Все больше налегал на магазинную сдобу, искренне считая, что она ничем не хуже самопеченой. И только сейчас, попробовав Нининых пирожков, понял, что ошибался. Между магазинными булочками и этим шедевром кулинарного искусства была огромная разница. Может быть, потому, что пирожки все еще хранили тепло рук хозяйки, ее энергетику...

– Нина, вы прекрасно готовите! – от души похвалил Константин, уминая четвертый по счету пирожок.

От его похвалы женщина зарделась.

– Да бросьте! Пеку потому, что так дешевле выходит, чем покупать готовое... Зарплата-то у меня мизерная, а дочка очень любит всякие там булочки и пирожные. Вот и приходится выкручиваться...

– Сколько лет вашей дочке?

– Шесть. В этом году в школу пошла.

– Надо же, какая большая! Ровесница Юленьки Дегтяренко, если не ошибаюсь?

Нина опустила глаза и едва слышно ответила:

– В одну группу в детском саду ходили...

– Вы и вправду не знаете, куда они уехали?

– Нет... Может, к мужу? Он вроде бы где-то в России работал.

– К мужу они уехать не могли. Он погиб...

Бросив на Константина испуганный взгляд, Нина прикрыла ладошкой рот.

– Господи, это правда?

– К сожалению.

– В аварию попал?

– Не совсем. Но что-то вроде того... Я был с ним рядом до самого конца. Павел очень просил, чтобы я разыскал в Минске его семью. Боялся, что они нуждаются...

– Да, горя они хлебнули порядком... – Нина горестно вздохнула. – Пашка ведь не от хорошей жизни на заработки в Россию подался. Жили они тяжело – помогать-то некому, считай оба сироты, а на зарплату у нас не проживешь. Вот он и решил подкалывать. Вначале присылал деньги, а потом как отрезало – ни слуху ни духу. Полина, бедненькая, вся извелась. Думала, что он другую бабу нашел. Потом плюнула на него и стала как-то сама выкручиваться. Она ведь журфак закончила, так что язык у нее подвешен будь здоров. Пробовалась на телевидение, на радио. Никуда, правда, не прошла. Потом в какую-то газетку пристроилась. Вначале, конечно, трудно было – командировки, то да се. Потом вроде бы втянулась... Да и деньги у нее стали появляться: то кофточку себе прикупит, то курточку Юльке...

– А квартиру, в которой они жили, кто купил?

– Не знаю... Да и не думаю я, что Полина ее продала. Ведь главный квартиросъемщик Пашка был – ему эта квартира от родителей по наследству досталась. Как же без его согласия она могла бы ее продать?.. Нет, скорее всего она эту хату кому-то сдала...

– Вы видели, как они уезжали?

– Откуда? Сама узнала об этом случайно. Около месяца назад забежала к ней по-соседски за хлебом. Звоню-звоню, а мне не открывают. Собралась было уходить, как вдруг какой-то молодой парень из двери высовывается. Белобрысый такой, рожа противная до омерзения. Я спрашиваю: «Полина где?» А он отвечает, что Дегтяренко здесь больше не проживает. Уехала, мол, из Минска, а куда – не знает... Я тогда, помню, здорово обиделась. Надо же, думаю, Польша, нахалка, даже не попрощалась. Нет, близкими подругами мы с ней никогда не были. Но друг дружке помогали. Когда она уезжала в командировки, всегда приводила ко мне Юленьку. А если брала девчонку с собой, тоже заходила – ключи оставить...

Константин нахмурился – учитывая то, что вчера вечером творилось в четырнадцатой квартире, скоропалительный отъезд Полины выглядел очень странно. Хорошо, если Нина права и Полина просто-напросто сдала свою жилплощадь, а сама на время переселилась в другое место. А если нет? Если она вынуждена была уехать?..

Занятый своими мыслями, Константин только сейчас заметил, что все это время Нина продолжала о чем-то возбужденно рассказывать.

– ...одно утешает, что не одну меня Полина так нагло проигнорировала. Недели две назад приходила ее закадычная подруга Женя Томашевская. Они вроде бы в одной редакции работали. Тоже о Полине спрашивала. Я ей рассказала все, что знала. Женя, как сейчас помню, здорово расстроилась... Оказывается, Полина обнаглела до того, что вовремя не сдала какую-

то там статью. Они пару деньков подождали, а потом стали ей на мобильник названивать. А мобильник-то отключен. Тогда стали домой звонить. Нарвались на какого-то мужика, которому недавно поменяли номер – дали тот, что раньше был у Полины... Ума не приложу, зачем она от телефона-то отказывалась?

Константин отчетливо помнил, что вчера, когда он торчал в четырнадцатой квартире, его спугнул телефонный звонок. Значит, телефон там все-таки остался, только номер почему-то поменяли.

– А где Полина работала? – спросил он.

– Да писала статьи под заказ для разных там газетенок. Где больше заплатят, туда и пишет. В последнее время хорошо платили в «Свободе». Есть у нас такая газета оппозиционная. Дрянь всякую про президента печатает, но людям нравится...

– Адрес редакции не подскажете? И, если можно, телефон Полининой подруги. Жени, кажется?

Нина смущенно улыбнулась и развела руками:

– Чего не знаю, того не знаю. Мы с Полиной, конечно, хорошо ладили, но телефоны своих подруг она мне не давала. А если мне надо было с ней самой связаться, то я звонила на сотовый. Ей в редакции его выдали... А что до адреса, то сейчас в газете посмотрю. Они всегда на последней странице свои координаты печатают...

Вытерев руки, Нина кокетливо улыбнулась и упорхнула из кухни. И хотя после всех услышанных новостей аппетит совершенно пропал, Константин взял с тарелки пирожок и машинально надкусил его. Да-а-а, сложившаяся ситуация выглядела более чем странно. Полина выехала из квартиры, не попрощавшись с соседкой. Более того – подвела людей, которые рассчитывали на ее статью. Отключила мобильник, прервав связь с внешним миром, из вещей, похоже, взяла самый минимум. Столь поспешный отъезд очень напоминал бегство...

«Надо идти в милицию! – решил он. – Только примут ли у меня заявление? Я ведь не родственник, не коллега по работе... Нет, вначале, пожалуй, стоит заглянуть в редакцию. Может, там чего знают?..»

– Ну вот, адрес я вам нашла – улица Чкалова, дом двенадцать, четвертый этаж... – Нина положила на стол газету и, чуток помявшись, протянула ему фотографию. – А вот это мы в прошлом году с Полиной снимались... На празднике города...

Затаив дыхание, Константин взял снимок. На фотографии были изображены четверо – двое детей и двое взрослых. Дети – смешливые девочки с огромными белыми бантами, – крепко обнявшись, весело хохотали, без стеснения демонстрируя полное отсутствие передних зубов. Справа от них с застывшей улыбкой на красивом лице стояла Нина. Рядом с ней, кокетливо поправляя волосы, прямо в объектив улыбалась тоненькая черноволосая девушка с родинкой-мушкой над верхней губой. Короткий ярко-красный топик, едва прикрывавший миниатюрную грудь, множество цепочек на шее, тяжелый, серебряный браслет на тонком запястье – на первый взгляд Полине Дегтяренко можно было дать не больше восемнадцати. Особенно в сравнении с Ниной – степенной мадам. Даже не верилось, что у такой юной девочки может быть шестилетняя дочь.

– Вот она, Полина, во всей своей красе! – В голосе Нины отчетливо читалось пренебрежение, смешанное с легкой завистью. – А вот это Юлька, ее дочка... – Она ткнула пальцем в темноволосую малышку, неуловимо напоминающую Пашку, каким он был лет пятнадцать назад, – такая же широкая улыбка, такой же лукавый взгляд.

– Можно мне взять эту фотографию? – спросил Константин.

Нина пожала плечами.

– Конечно, берите... Но зачем?

Поколебавшись, он признался:

– Мне почему-то кажется, что Полина попала в беду. Хочу зайти в милицию – пусть объявят розыск.

– Ой, не смешите меня! – Нина натянуто улыбнулась. – Сразу видно, что вы ее плохо знаете. Польша – черт в юбке. Сама кого хочешь до беды доведет!

Решив не спорить, Константин сунул фото и газету в карман куртки и стал прощаться. Нина не скрывала своего разочарования – похоже, в глубине души она рассчитывала, что Константин задержится у нее еще на пару часиков. И не просто для того, что попить чаю с пирожками.

– Вы уж заходите как-нибудь вечером, если узнаете что-нибудь о Поле... – щебетала она, провожая его до двери. – Все-таки не чужая – семь лет рядом прожили.

– Обязательно, – кивнул Константин. Несмотря на обещание, он очень сомневался, что в ближайшие несколько дней у него найдется время заглянуть к этой красавице. Все, что ему было нужно, он уже узнал. А крутить роман, пусть даже и с такой симпатичной женщиной, как Нина, у него не было никакого желания. Не для того он сюда приехал...

* * *

Вначале он решил, что ему померещилось и темно-красная «Вольво», держащаяся чуть позади такси, просто едет по тому же самому маршруту. Но интуиция, мирно дремавшая все утро, вдруг встрепенулась и сладким голосом стала нашепывать ему на ухо всякие гадости: «Тебя ведут, олух!.. А если ты этого не замечаешь, значит, ты – полный кретин!»

В очередной раз оглянувшись и увидев, что «Вольво» по-прежнему висит у них на хвосте, Константин поинтересовался у водителя:

– До Чкалова далеко?

– Минут через двадцать будем на месте.

– Пожалуй, я здесь выйду.

Таксист, ничуть не удивившись переменчивости клиента, снизил скорость и принялся искать место для парковки. «Вольво» совершенно внаглую повторила этот же маневр. Теперь Константин не сомневался, что за ним ведется наблюдение. Причем те, кто его вели, не считали нужным скрывать свои намерения. Расплатившись с водителем, он выскочил из такси и внимательно огляделся. Города он совершенно не знал, но не сомневался, что при желании сможет легко оторваться от «хвоста». Особенно на такой людной улице, как эта. Взглядом пробежавшись по вывескам, мысленно отметил про себя, что совсем рядом находится ГУМ – огромное серое трехэтажное здание со множеством входов и выходов. Закурив сигарету, он рассеянно оглянулся по сторонам. Приказывая себе не оглядываться, не спеша двинулся вперед, изображая из себя празднующего. Когда до входа в ГУМ оставалось не больше метра, резко выбросил недокуренную сигарету в урну и слился с толпой людей, входящих в универмаг.

На одном дыхании взбежал на второй этаж и, спросив у продавца, где находится отдел мужской одежды, бросился туда. Слава богу, что в отделе крутилось довольно много народа. Константин снял с вешалки первую попавшуюся куртку и ринулся к примерочной кабинке. Быстро переоделся и только после этого взглянул на себя в зеркало. И... едва сдержался, чтобы не расхохотаться, – куртка, которая сидела на нем довольно ладно, оказалась до неприличия молодежной. Капюшон, белые вставки, карманы-кенгуру... Наверное, на подростке она смотрелась бы вполне уместно, но то-то и оно, что свое шестнадцатилетие Константин отпраздновал больше двадцати лет назад...

Но делать было нечего – ему требовалось срочно сменить имидж. Высунувшись из примерочной, он жестом подозвал продавщицу:

– Девушка, можно вас на минуту?

Та, скорчив недовольную гримасу, нехотя подошла.

– В чем дело?

«Да, сервис здесь, конечно, хреновый. Сразу чувствуется, что продавцы не заинтересованы в покупателях. Может, хоть это придаст ей рвения?» – Вытащив из кармана двадцать долларов, Константин сунул купюру продавщице. Пока та удивленно хлопала глазами, пытаясь сообразить, как правильно реагировать на этот необычайно щедрый жест, Константин втолковывал ей, что надо делать:

– Под эту куртку мне нужны брюки и кепка. А также обувь и солнцезащитные очки. Размер обуви – сорок четвертый. Выбери и принеси сюда, пожалуйста... Если быстро справишься, получишь еще столько же. Насчет оплаты не волнуйся... – Он показал ей стопку местных денег, которые сегодня утром обменял в «валютнике», расположенном в фойе гостиницы.

Смерив Константина внимательным взглядом и убедившись, что перед ней не потенциальный клиент психушки, девушка коротко кивнула и бросилась выполнять поручение. Пока она подбирала ему новый гардероб, Константин через маленькую щель примерочной внимательно разглядывал торговый зал. Вскоре он заметил двоих парней, которые вели себя не совсем обычно. Вместо того чтобы интересоваться товарами, они бродили по главному проходу, нагло заглядывая в лица покупателям. Особым спросом пользовались высокие блондины, по телосложению напоминавшие его самого.

«Кто они, эти парни? – растерянно подумал Константин. – Представители местных спецслужб?.. Или бандиты?.. И какого хрена они взяли в оборот именно меня? Я ведь только-только сюда приехал, еще вроде бы не успел засветиться... – И тут его словно током ударило: – Черт побери, а убийство на Краснозвездной! Как я мог об этом забыть?!»

Но чем больше Константин размышлял, тем сильнее крепла его уверенность, что вчерашнее происшествие не могло послужить толчком для столь наглой слежки. Да, он видел, как из бывшей Полининой квартиры пытались вынести труп. Да, он хорошо запомнил «носивыщиков» и вдобавок накомывал им по шеем. Но он же не помчался в милицию с криком: «Помогите, убивают!», хотя имел на это полное право. А тихо отправился в гостиницу и лег спать... Да даже дураку стало бы ясно, что шума по этому поводу он поднимать не собирается!

– Молодой человек, вы еще здесь? – Шторка примерочной отодвинулась, и в образовавшемся проеме показалось улыбающееся личико продавщицы. В руках девушка держала несколько вешалок с брюками, под мышкой – коробку из-под обуви и несколько пакетов с головными уборами. Про очки она, похоже, забыла, но Константин решил, что сойдет и так.

Бесцеремонно выпроводив продавщицу, натянул на себя первые попавшиеся брюки, выбрал кепку с наиболее длинным козырьком, переобулся. И вновь с пристрастием осмотрел себя в зеркале. Надо признать, новый прикид изменил его до неузнаваемости. Если не особо всматриваться в выражение лица – а именно оно выдавало его истинный возраст, – ему можно было дать лет двадцать пять. Высокий, стройный парниша, одетый в стиле «а-ля репер» – хоть бросай все и прямиком на подиум демонстрировать молодежное направление в моде. Правда, его новая одежда была не самого лучшего качества – «Made in China». Но на это Константину было глубоко наплевать.

Когда он вышел из примерочной кабинки, продавщица, помогавшая ему в выборе, удивленно округлила губки и уставилась на него с неприкрытым восхищением. Константин протянул ей пачку местной валюты и негромко попросил:

– Расплатись за меня... Сдача – твоя.

– Поняла... – Продавщица профессиональным жестом пересчитала купюры и деловито поинтересовалась: – А что со старыми-то вещами делать-то?

– Что хочешь.

Не оглядываясь, Константин прошествовал к выходу. На пути, как назло, оказался один из его преследователей – крепко сбитый шатен с маленькими острыми глазками. Равномерно двигая квадратной челюстью, он напряженно всматривался в торговые ряды. Затаив дыхание,

Константин прошел мимо. Скользя по нему равнодушным взглядом, шатен отвел глаза в сторону. Его массивная челюсть заходила еще быстрее.

«Похоже, пронесло!» – мысленно порадовался Константин, с трудом сдерживаясь, чтобы не ускорить шаг.

Лишь оказавшись на многолюдной улице, он почувствовал себя спокойнее. Глазами искал красную «Вольво», припаркованную неподалеку от ГУМа, и, поразмыслив, решил пойти в противоположную от машины сторону. В голове вертелся один вопрос:

«Как же меня так быстро вычислили?»

Попытался вспомнить, видел ли он красную «Вольво» рядом с гостиницей. Похоже, что нет, – такую броскую машину он приметил бы сразу. Как, впрочем, и этих парней, если бы они крутились поблизости. Значит, ему сели на хвост на Краснозвездной, у Полининого дома. Но как они просчитали, что он вернется туда на следующий день? Ведь, согласно элементарной логике, он не должен был там появиться.

«По наводке, дорогой, по элементарной наводке! – мысленно ответил он самому себе. – Кто-то „стукнул“ на меня, они и приехали. Поймали меня в тот самый момент, когда я тормозил тачку. Сели на хвост и довели до ГУМа... Значит, в гостиницу я могу вернуться, не опасаясь, что они ждут меня там. Осталось вычислить – кто этот „стукач“?... Когда я подходил к дому, во дворе сидели трое алкашей да две старушки – божьи одуванчики. Ни те ни другие не обратили на меня никакого внимания... Выходит, меня сдала Нина? Но зачем?»

От этой мысли ему стало неприятно, и Константин приказал себе не думать об этом. В конце концов, он приехал сюда, чтобы найти Полину Дегтяренко. И именно в этом направлении надо сосредоточить все свои усилия. Перво-наперво заглянуть в редакцию и поговорить с ее лучшей подругой Женей Томашевской. А если та не знает, где сейчас находится Полина, взять подругу за шкирку и отволочь в милицию. Пусть пишет заявление о пропаже. Если для активизации розыска потребуется дать кому-то на лапу, он, не задумываясь, заплатит. Деньги у него, слава богу, есть. И часть из них он с легким сердцем готов потратить на поиски Пашкиных родных.

Занятый своими размышлениями, Константин не сразу заметил, что уже довольно продолжительное время идет в колонне молодых людей, держащих в руках плакаты и флаги. До седьмого ноября было далеко, майские праздники прошли несколько месяцев назад, и по какому поводу в белорусской столице устраивалась эта демонстрация, было для него загадкой. Решив, что сегодня у белорусов какой-нибудь национальный праздник, типа Дня города, Константин успокоился и даже стал ощущать некое удовлетворение от того, как ловко ему удалось замести следы...

Время от времени народ дружно выкрикивал лозунги, смысла которых он не понимал, но, поддавшись всеобщему настроению, горланил вместе со всеми:

- Луку на муку!
- Не-за-леж-ность!
- Радима, свобода, долой Луку-урода!

Неожиданно идущие впереди замедлили шаг, а потом толпа и вовсе остановилась. По рядам демонстрантов пробежал тревожный шепоток. Но через минуту вновь грянули прежние лозунги. И если раньше их выкрикивали с иронией, молодеватым задором, то теперь в голосах людей явственно проступали отчаяние и ненависть.

Поразившись столь разительной перемене в настроении окружавшей его публики, Константин посмотрел на часы – почти два.

«Не хватало еще проторчать здесь весь день!» – подумал он. Свернув на тротуар (там было посвободнее), направился вперед по улице. Вскоре достиг начала колонны. Но двинуться дальше не смог – прямо по курсу улица была перекрыта стройными рядами металлических

щитов. За спинами прикрывавшихся ими спецназовцев виднелся второй кордон из бронетехники.

«Однако, весело у вас, ребята! – Константин застыл в оцепенении. – Надо же! Неужели революция?»

И хотя вооруженный до зубов спецназ мало походил на блюстителей правопорядка, серьезных оснований для паники не было. По напряженным и в то же время спокойным лицам демонстрантов Константин понял, что те ничуть не ошарашены происходящим. Скорее, наоборот, взбодрились. Взгляд скользнул по молодым и не очень молодым людям, стоящим в первых рядах. На всех на них были однотипные белые майки с портретами каких-то людей, на головах повязаны бело-красно-белые ленты. Константин хотел было свернуть направо, на маленькую улочку, но, увидев, что и там путь перекрыт машинами с зарешеченными окнами, в нерешительности остановился. Поколебавшись, повернул назад, к демонстрантам – в толпе он почему-то чувствовал себя спокойнее.

Тем временем колонна, отпуская презрительные реплики в адрес омовцев, свернула с проспекта налево, в сквер. Это была единственная «свободная» дорога, если, конечно, не считать обратного пути. Но поворачивать назад явно никто не собирался. Впереди замаячили осветительные вышки стадиона.

«Тут и до гостиницы рукой подать, – обрадовался Константин, увидев знакомые ориентиры. – Зайду, переоденусь, а то в таком виде в редакции стыдно показываться...» И, не притормаживая, внимательно осмотрелся. Рядом не было никого из тех, кто хотя бы смутно напоминал его преследователей. Теперь он мог спокойно возвратиться в гостиницу, не рискуя при этом притащить за собой «хвост». Но прокатившие мимо микроавтобусы с торчащими над крышами операторами в милицейской форме убедили его в том, что еще не время покидать толпу. Впрочем, пока в этом не было особой необходимости – гостиница и так с каждым шагом становилась все ближе и ближе.

Константин позволил себе немного расслабиться, но вдруг, словно гром среди ясного неба, впереди из арок домов слева и справа, гремя щитами, показались спецназовцы. Их было около сотни. Прошло совсем немного времени, и эта тихая зеленая улица была надежно заблокирована. Толпа остановилась и возбужденно загудела.

На этот раз Константину показалось, что вряд ли вся эта история закончится добром.

«Что происходит?! – в отчаянии подумал он. – Если демонстрация, то какого черта здесь войска? А по-другому назвать этих крестоносцев со щитами язык не поворачивается... Учения? Тоже не похоже. Неужели весь этот маскарад лишь для устрашения?»

Решив больше не испытывать судьбу, Константин обратился к троице парней, стоявших рядом:

– Пацаны, что здесь происходит?

Те недоуменно переглянулись.

– А вы что, не местный? – спросил один из них, вихрастый белобрысый паренек лет четырнадцати.

– Нет... Вышел из ГУМа, смотрю – народ идет. Ну я и пошел вместе со всеми. Сначала было забавно, а теперь не очень. Не знаю, как до гостиницы добраться, – все перекрыто.

Парнишка снисходительно усмехнулся.

– Да ничего особенного не происходит. Обычный митинг оппозиции.

– Обычный? – Константин взглядом указал на стройные ряды омовцев. – По-моему, это больше похоже на детско-юношескую игру «Орленок»...

Парни сдержанно хихикнули.

– У вас всегда так?

– Почти.

– И чем обычно это заканчивается?

Но ему не ответили.

– Смотри, смотри! – Обращаясь к своим друзьям, вихрастый пальцем указал в начало колонны. – Сейчас начнется!

Константин невольно обернулся. Группка лидеров-демонстрантов, отделившись от основной массы, о чем-то мирно беседовала с укрывающимися за щитами омоновцами. Однако эта идиллия продолжалась недолго. В центре редута внезапно образовалась брешь, и из нее, как из рога изобилия, «посыпались» парни в зеленой форме. Не останавливаясь, они обрушили главное свое оружие – резиновые дубинки – на головы переговорщиков. Те, неуклюже прикрываясь руками, бросились наутек. Но «зеленые», воодушевленные первой удачей, рванули следом, продолжая наносить хлесткие удары.

– Козлы! – над самым ухом Константина заорали пацаны и, работая локтями, поспешили в начало колонны – навстречу основному потоку спасающихся бегством людей.

Редуты «крестоносцев», словно огромный асфальтоукладочный каток, медленно двинулись вперед, то и дело проглатывая попадающихся на их пути до полусмерти избитых людей. В толпе началась паника. Еще немного, и дело дошло бы до массовой давки, но грохот забарабанивших по щитам камней заставил всех остановиться и оглянуться назад.

«Зеленые», оставив в покое недобитых «переговорщиков», юркнули назад, за спасительные щиты. Теперь уже они спасались бегством. Охвативший было демонстрантов страх понемногу рассеивался. Никто уже не бежал, опасаясь удара резиновой дубинки или кирзового сапога. А молодежь, оставаясь на переднем краю и вооружившись булыжниками, как могла, сдерживала «крестоносцев», выигрывая время для того, чтобы десятитысячная толпа могла спокойно, без паники, а значит, и без жертв разойтись.

Константин наблюдал за разыгравшейся прямо на его глазах батальей как замороженный. В реальность происходящего не верилось. Прежде он даже представить себе не мог, что такое вообще возможно. И, наверное, потому не бросился прочь вместе со всеми. Однако сейчас, когда подошли грузовики с зарешеченными окнами и значительно укрупнившийся отряд омоновцев в буквальном смысле стал сминать молодежь, а с тыла – со стороны проспекта – выдвинулось еще одно подразделение, понял – спектакль подошел к финалу. Свернул в одну из арок, надеясь дворами добраться до гостиницы.

Миновав один дом и услышав крики, оглянулся. Метрах в пятидесяти от него за желторотым пацаном, размахивая дубинками, гнались двое «зеленых». Вскоре одному из них удалось подставить желторотому подножку. Тот распластался на траве. Подняться ему не дали, обрушив сверху град ударов.

«Надо бы вмешаться, – подумал Константин. – А то ведь совсем ребенок... – И тут же одернул себя: – Это не твой город».

Та же сцена повторилась еще несколько раз, но уже с другими персонажами. И опять Константин, закусив губу, сказал себе твердое: «Нет». Видимо, битва в сквере уже закончилась, и теперь полным ходом шла «зачистка» во дворах. То тут то там замаячили люди с камерами и репортеры. Судя по пластиковым карточкам с надписью «Пресса», висевшим на их куртках и пиджаках, это были журналисты. Надеясь раздобыть сенсационный материал, они последними покидали опасную зону.

– Не бейте папу, сволочи! – вдруг совсем рядом раздался истеричный женский вопль.

Обернувшись, Константин увидел, как двое «зеленых» со спокойной уверенностью подонков пинают сапогами корчащегося на земле пожилого мужчину в коричневом плаще. Его клетчатый шарф был в крови, в седых длинных волосах запутались опавшие листья.

– У него же больное сердце! – Светловолосая девушка, видимо дочь избиваемого, попыталась оттащить одного из «зеленых» от своего отца. Небрежный взмах дубинкой – и девушка оказалась на земле. Ее приглушенные всхлипывания, казалось, лишь подзадорили ментов – с еще большим остервенением они опять навалились на пожилого мужчину.

В этот момент из-за угла дома вынырнул краснолицый дедок с пышной седой бородой. На мгновение застыв на месте, со всех ног бросился к светловолосой девушке.

– Вы на кого руку подняли?.. Это же известная журналистка! – заорал он, помогая ей подняться. – Вы за это ответите!

Лучше бы он этого не говорил – несколько точных ударов по голове, и дедок, словно подкошенный, свалился на землю. Разобравшись с мужчинами, «зеленые» обратили свои взоры на девушку. Взмах дубинкой, еще один...

Больше наблюдать за этим откровенным садизмом Константин не мог. Сорвавшись с места, бросился к ментам:

– Оставьте ее в покое!

Его явно здесь не ждали. Один из ментов так и застыл на взмахе, с дубинкой над головой. Второй вдруг затрясся и испуганно вскинул глаза к небу, словно прозвучавшая фраза слетела не с уст человека, а была произнесена самим богом. Но когда Константин приблизился вплотную, они уже были готовы к встрече с ним.

– На землю, сука! – заорал худой и длинный с пышными черными усами. Размахнувшись, он попытался ударить Константина дубинкой по голове.

Но тот ловким движением перехватил дубинку и ею же отбил удар, нанесенный вторым ментом. Причем отбил с такой силой, что дубинка, вылетев из рук мента, проделала в свободном полете еще метров десять-двенадцать, прежде чем опустилась на землю. Взглядом проследив траекторию ее движения, обезоруженный мент попятился.

– Ладно, ладно, – примиряюще замахал руками второй. – Все нормально. Это и впрямь журналистка Томашевская.

Видя, что менты собираются свалить, Константин вернул усатому дубинку и присел на корточки, помогая девушке подняться.

– Все в порядке? – заглянув ей в глаза, ободряюще улыбнулся он.

Непроизвольно взгляд переместился чуть ниже, и Константин вдруг почувствовал, как от волнения у него перехватило дыхание. На грязно-белой майке под надписью «Хотим знать правду» был отпечатан портрет девушки, удивительно похожей на Полину Дегтяренко...

Глава 3

Отключив сигнализацию, Михеев забрался в «Вольво» и, подождав, когда его напарник Игорек Бондарович устроится рядом, вытащил из бардачка пачку сигарет.

– Курнем? – предложил он небрежно.

– Курнем! – тяжело вздохнул Бондарович.

Оба они принадлежали к категории тех людей, которые тщательно следят за своим здоровьем – оба почти не курили, пили только по праздникам, каждый вечер проводили в спортзале, два раза в неделю посещали сауну и бассейн. Но сегодня оба они, ярые противники курения, могли позволить себе такую «роскошь», как выкуренная не взятяжку сигарета...

В салоне повисло гнетущее молчание. Бондарович вновь вздохнул, прикурил от автомобильной зажигалки и, выпуская дым, спросил:

– Что будем делать?

Михеев пожал плечами.

– Хрен его знает?... Искать бесполезно. Он наверняка улизнул из этого квартала. Я бы на его месте давно смылся...

– Но как он нас вычислил? – не отставал Бондарович. – Вроде бы особенно не светились. Я даже не просек, где мы его потеряли. Гад буду, не просек!

Михеев непроизвольно усмехнулся – его напарник был комичен в своей растерянности. Надо же, оказывается, непробиваемому Бондаровичу свойственны нормальные человеческие чувства!

– Что, репетируешь речь перед шефом? – не удержался он от подколки.

– Да какое репетируешь! – Бондарович махнул рукой. – Шефа таким не проймешь. Ему факты нужны. Голые факты, а не оправдания. Когда узнает, что мы потеряли клиента, он нам яйца пообрыдает, если толково не объясним, почему!.. Кстати, а что это за мужик? А то сорвали нас с тренировки, приказали ехать на Красную звезду...

– Да тот самый, что вчера двоих наших загасил. Опытный гад! Знает все болевые точки. И мозгов, похоже, побольше, чем у некоторых!

– На что это ты намекаешь? – угрожающе переспросил Бондарович.

– Что есть, то есть – он обставил нас, как сосунков. Сделал, как детей.

– Да что ты заладил: «сделал», «обставил»... Попадись он мне в открытом бою, я бы его так обработал – живого места не осталось бы!

– А это еще вопрос, кто кого!.. – Заметив, что Бондарович вот-вот сорвется, Михеев примиряюще хлопнул его по плечу: – Ладно, Игорек, проехали! Давай докурим и попробуем еще раз прочесать этот квартал. Вдруг повезет?

– Ага, повезет. Если уж кому сегодня везет, так это нашему клиенту – посмотри, что на проспекте делается! Затесался в толпу, прошел пару километров с демонстрантами и тихонько откололся... Шмыгнул во дворик, и поминай как звали!

– Так, может, во двориках и пошуруем? Транспорт ведь не ходит. Даже метро не работает. А машины у него точно нет – пешкодралом пилит. Такси сейчас тоже не поймает. Весь квартал ментами оцеплен...

Поразмыслив пару секунд, Бондарович мотнул головой:

– Хреновая идея! Менты злые, еще нарвемся! Говорят, им перед такими операциями какие-то таблетки выдают, типа «озверина». Глотнул одну – и злость тебя так засасывает, что готов убить даже мать родную.

– Да байки все это! – рассмеялся Михеев. – Ни хрена они не глотают перед «зачистками». А вот эти долбанные митинганты точно ширяются. Да и водочку хлещут для поднятия тонуса...

Он не успел договорить – в оконное стекло постучали. Михеев и Бондарович тут же повернулись на стук и увидели милиционера в камуфляже. Судя по его решительному виду, мент подошел к ним не для того, чтобы стрельнуть сигарету.

Опуская стекло, Михеев миролюбиво спросил:

– В чем дело, командир?

– Документы! – рявкнул тот. Похоже, дружелюбный тон сидящих в машине не произвел на него никакого впечатления.

Переглянувшись с напарником, Михеев протянул в окошко водительские права.

– Пожалуйста!

Забрав документы, но даже не взглянув на них, мент скомандовал:

– Оба вышли из тачки!

– Что-то не в порядке? – невинно поинтересовался Михеев. – По-моему, командир, скорость мы не превышали. Припарковались там, где положено. Сидим в машине, никого не трогаем...

– Кому сказал – быстро вышли!.. Хотите схлопотать по пятнадцать суток?

Тяжело вздохнув, Михеев протянул «блестителю порядка» свое служебное удостоверение. Пока тот тупо всматривался в красные корочки с золотистым гербом, а затем, открыв удостоверение, долго вчитывался в мелкий шрифт, Михеев едва сдерживался, чтобы не расхохотаться. Он был уверен, что через секунду-другую боевой настрой мента сойдет на нет, и ждал этого момента с воистину садистским наслаждением.

– Особый отдел Комитета государственной безопасности... – вслух прочитал милиционер. – Капитан Михеев... – И тут же, словно по мановению волшебной палочки, его правая рука поползла вверх, и он, щелкнув каблуками, отдал честь сидящим в машине. – Товарищ капитан, уезжайте отсюда! – произнес он совершенно иным тоном – сладко-угодливым. – Здесь опасно – машину могут разбить!

Забирая права и удостоверение, Михеев язвительно заметил:

– Моя милиция меня бережет...

– Разрешите идти? – дрожащим голосом уточнил мент.

– Свободен.

Дважды повторять не пришлось – сунув резиновую дубинку под мышку, мент почти вприпрыжку помчался прочь от машины.

– Дерьмо, – сквозь зубы выругался Бондарович, провожая взглядом плотную фигуру в камуфляже. – Ему что, демонстрантов мало? Силу некуда девать?..

– А ты говоришь – «озверин»! Видел, как сдрейфил, когда я показал ему свое удостоверение?..

– Видел! Так и хочется припечатать его жирную харю к асфальту!

– Что, кулаки чешутся? – Михеев открыл дверцу. – Ладно, пошли разомнемся на демонстрантах... Чай, не всех еще разогнали?

* * *

Константин смутно помнил события, предшествовавшие его появлению в этом душном, до предела заполненном людьми учебном классе районного управления милиции.

Точно он знал лишь то, что там, во дворе, все-таки успел спросить, как зовут светловолосую журналистку.

– Женя, – с трудом ворочая губами, прошептала девушка.

«Где-то я уже слышал это имя... – подумал тогда он. – И фамилия Томашевская вроде бы знакомая... – И вдруг его словно током ударило: – Это же Полинина подруга!»

Ткнув пальцем в портрет, он на всякий случай уточнил:

– Это кто?

– Полина...

– Дегтяренко?

– Да...

– Ты знаешь, где она? – Кажется, в этот момент он даже начал трясти Женю.

Но что та ответила – «да» или «нет», и ответила ли вообще, Константин, как ни старался, вспомнить не мог. Он помнил лишь резкую боль в затылке – кто-то с разбегу пнул его в голову ребром подошвы ботинка. Удар был настолько сильным, что глаза едва не выскочили из орбит. Находясь в неудобной позе, на корточках, спиной к нападавшему, он не мог оказать достойный отпор. Более того, не удержав равновесия, перевалился через Женю и растянулся на земле. Понимая, что время играет против него, попытался быстро вскочить, отталкиваясь от земли руками. Но подняться не дали. Правую руку подсекли сразу же, ладонь левой вдавили в землю каблуком, а потом последовал мощный удар по почкам, после которого он оказался в еще более неудобном положении – лежащим на спине.

– На, сука, получай! – Опустившаяся откуда-то сверху дубинка угодила прямо в голову. Вслед за этим ударом посыпались другие, теперь уже с разных сторон.

Сколько человек на него навалилось, Константин осознавал с трудом. Похоже, их было трое. Точно – трое. Они трудились над ним с упорством мясников, разделяющих тушу кабана. Он должен был встать. Только так можно было уравнивать силы или, по крайней мере, не позволить превратить себя в кровавое месиво.

Отказавшись от сопротивления и принимая удар за ударом, он сосредоточил все свои усилия на одной-единственной цели – подняться на ноги. И добился бы своего, не приди на помощь окружившим его ментам их дружки-шакалы. Подскочив сзади, один из них со всего маху опустил на его голову пластиковый щит. Посыпались мелкие осколки, а потом еще кто-то жестко захватил его горло рукой, не давая пошевелиться. Растерявшаяся было троица, словно воронье, с еще большим остервенением набросилась на него. Одного из них Константин сумел откинуть ногой, но тут же получил несколько парализующих ударов кирзовыми ботинками в пах и вновь оказался на земле. Перед глазами замелькали шлемы с пластиковыми забралами, щиты, дубинки и все те же пышные черные усы.

– Получай, сука!.. Мочи его!.. Дай, я врежу!.. Сдохнешь тут!.. – проносилось в воздухе.

Несмотря на угрозу убить, били грамотно. Так, как это умеют делать только менты, – чтобы потом нельзя было снять побои: в пах, по почкам, по голове. Но, видимо, переусердствовали.

– Кончайте! – донеслось откуда-то издалека. – Смотри, как засопел. Еще сдохнет. Давайте в машину.

Как его подхватили под руки и ноги, а потом куда-то поволокли, Константин не почувствовал, скорее, понял. Потом его швырнули на что-то мягкое. С трудом приоткрыв глаза, он понял, что находится в салоне «уазика». К нему вновь вернулись ощущения, и он почувствовал, как ладонь утонула в чем-то водянистом и теплом – на резиновом коврике растеклась лужица крови.

«Чья это кровь?» – Он непроизвольно отдернул руку и только потом осознал, что лежит на человеке. Прямо под ним на полу, между сиденьями, в нелепой позе распластался пожилой мужчина с разбитой головой. Похоже, он не дышал и кровь на полу – это была его кровь.

«Ему нужна срочная помощь!» – первое, что пришло в голову Константину.

Но в следующее мгновение сверху навалился кто-то крупногабаритный и невероятно тяжелый. Как потом оказалось, это был тот самый бородатый дедок, вступившийся за Женю. Вот так, как дрова, их и увезли с того злосчастного двора.

Журналист Ершов, кажется, так звали дедка, пришел в себя быстрее всех. Поднялись и остальные. В том числе и «мертвец». Однако, судя по пепельному лицу, состояние его все

еще оставалось критическим. Впрочем, удивляться тут было нечему – человек потерял столько крови! Заявление Ершова о том, что драматургу (так назвал «мертвеца» сам Ершов) нужна помощь, было встречено свирепым матом и взмахом дубинки. Но достигла она Ершова лишь однажды. Ударить во второй раз сидевший рядом с водителем мордоворот не решился. Он правильно понял, что на этот раз нарвется на ожесточенное сопротивление, и не только со стороны Ершова. Журналист же, почувствовав себя увереннее, понес какую-то чушь о правах человека.

«Неужели ты и в самом деле веришь в то, что говоришь?» – хотелось спросить у него.

На лице же тупорылой свиньи в шлеме, сопровождавшей их, было написано другое: «Мы вас мочили, мочим и будем мочить!» Вдобавок, он еще и загибал пальцы при каждом произнесенном слове, типа «права человека», «демократия», «справедливый суд», явно не понимая их и потому считая личными оскорблениями.

Полчаса проколесив по городу, их наконец отвезли на окраину. Однако вышедший навстречу офицер местного отделения напрямую послал мордоворота ко всем чертям, пояснив, что у них и так перебор, что их «заманало заниматься херней» и что их дело – «ловить преступников, а не журналистов».

Зачислив и его в свои личные враги, мордоворот презрительно сплюнул и направил машину сюда, в центральное отделение, которое принимало демонстрантов без всяких ограничений.

У всех задержанных отобрали документы, а минут через пятнадцать стали вызывать куда-то по одному. Дошла очередь и до Константина. Его отвели в кабинет неподалеку. В комнате было необычайно светло. За столом сидели люди в штатском. Среди них выделялась девушка с длинными прямыми волосами, в кожаной куртке и почему-то в короткой юбке.

То, что перед ним гэбэшники, Константин определил сразу. Но дама... С таким прикидом, как у нее, хоть на панель...

«Неужели пронюхали, а заодно и свидетельницу притащили?... Или осведомительницу? – промелькнуло у Константина в голове, но он тут же возразил себе: – На хрен я им, когда здесь такое творится?»

– К стенке! – скомандовал мужик, сидевший посередке, видимо, старший по званию.

Константин по старой зоновской привычке отвернулся к стене и поднял руки над головой. Однако его тут же окликнули:

– Лицом сюда!

– А я-то уж подумал, что вы прямо здесь всех и расстреливаете, – с иронией отозвался он и, опустив руки, развернулся.

Однако на его слова никто не среагировал. Вместо этого в лицо ударил свет и зажужжала камера.

– Повернитесь налево, – повторил тот же голос.

«Пару снимков для досье... – догадался наконец Константин. – Похоже, мое положение усложнилось до предела. Теперь им только останется сделать запрос в московскую ФСБ и... Впрочем, чего я переживаю? Если они и дальше будут действовать по сценарию тридцать седьмого, отсюда прямая дорога – на Колыму...»

Это была шутка, но он даже не улыбнулся своим мыслям. Не хотелось. Он был почти уверен в том, что произошла какая-то несусветная катастрофа и мир в одночасье перевернулся с ног на голову. Или его, Константина, перевернули? Наверное, поэтому его и подташнивало.

Общение с гэбэшниками закончилось гораздо быстрее, чем он мог предположить. Ему не задали ни одного вопроса. Просто кивнули сержанту, и тот вывел Константина за дверь. А потом отвел назад в учебный класс, в котором за эти несколько минут произошли необычайные перемены. Из прежней шумно-мрачной толпы в классе осталось не больше тридцати человек.

Все они молча сидели за столами и напоминали первоклассников. Перед ними на месте учителя восседал капитан.

«Похоже, малява крепчает», – горестно вздохнул Константин и присел за стол. Его соседом оказался узкоглазый парень в белой куртке, с заплетенными в косичку длинными черными волосами.

– А где люди? – поинтересовался Константин.

Но парень лишь развел руками:

– Я плохо говорит по-русски.

– Откуда же ты тогда такой?

– Я приехал Джапан.

– Да японец он, – обернувшись, пояснил сидевший впереди лысоватый мужчина. – Они в радиусе четырех километров всех подмели.

«Значит, не я один такой!» – Радоваться этому обстоятельству или нет, Константин не знал, но на душе стало спокойнее. А еще он обратил внимание на то, что почти все задержанные ведут себя так, будто оказались в привычной обстановке. Никто не нервничал, не суетился. Лишь однажды заволновались, когда одному из арестованных стало плохо и он повалился под стол. Капитан держался минут десять, но, поняв, что возмущение вот-вот готово перекинуться в восстание, позвонил своим, а потом объявил, что «Скорая» уже в пути. Но когда за окном замигали маячки, больного вызвали на допрос и продержали там до тех пор, пока «Скорая» не укатила. Потом под руки привели и усадили на прежнее место.

Константину так и не суждено было узнать, что произошло дальше, – заглянувший в комнату лейтенант назвал его фамилию...

...Сидевший в кабинете на третьем этаже рыжеволосый капитан встретил его добродушной улыбкой.

– Заходите. Садитесь, пожалуйста. Может, позвонить родным желаете? – Он снял трубку и тут же положил ее на рычаг. – Черт, линия что-то барахлит. Но, думаю, скоро поправят. – Внимательно изучив данные его паспорта, уточнил: – Москвич?

– Москвич, – кивнул Константин. – Надеюсь, хотя бы вы поясните, по какому праву я задержан? Причем так грубо.

– Ну, люди у нас, как везде, разные работают, – улыбнулся капитан. – А насчет задержания... Не я вас задерживал. Я ничего не знаю. Может, вы и правы. Придут те, кто вас задержал, тогда и разберемся. Если переборщили, извинятся. А пока подпишите вот это. – Он взял из лежавшей на краю стола стопки верхний листок и, вписав фамилию, протянул его Константину. Потом подал ручку.

Это был протокол о задержании, согласно которому выходило, что Константин якобы в нетрезвом виде двигался по проезжей части, орал благим матом антипрезидентские и анти-российские лозунги. Потом вместе с группой радикально настроенных молодых людей отправился к российскому посольству и швырнул в него пару-тройку камней. На предупреждения милиции не реагировал. При аресте оказал сопротивление, оборвав милиционерам погоны и пуговицы. А в довершение нанес служителям правопорядка физические повреждения...

– Вы ничего не перепутали? – Константин искренне не знал, смеяться ему или плакать. – И сколько же мне за это грозит?.. Лет пять?

– Всего лишь десять-пятнадцать суток или штраф, – вполне серьезно ответил капитан и по-дружески посоветовал: – Лучше подписать. Думаю, сейчас вас и отпустят. А завтра нужно будет явиться в суд. Вот там все и расскажете.

– Да пошли вы! – Смяв листок, Константин швырнул его на пол. – Это же полная ахинея! Вы что, бандитов в милицмейской форме выгораживаете? Это не я их, это они меня избили. И какие камни?.. Какое российское посольство?! Оно что, в ГУМе находится? Не надо делать из меня идиота. Я ведь даже не белорусский подданный. Я – россиянин!

Капитан и ухом не повел. Хладнокровно взял новый листок, вписал в него фамилию и положил на стол перед Константином.

– Можете не подписывать, но... В таком случае, как минимум, неделю будут устанавливать вашу личность, еще неделю искать адвоката. Все это время вы будете находиться под арестом. Вам это надо?

– Ладно, – уступил Константин. – Что я должен сделать?

– Вы должны написать, что изложенные факты подтверждаете, – повеселел капитан. – Вот здесь, – он ткнул пальцем в листок, – под подписями свидетелей.

Естественно, брать на себя весь этот бред Константин не собирался и под закорючками сержанта Сороки и прапорщика Торганова вывел:

«Факт задержания подтверждаю».

Выхватив листок, капитан, не глядя, спрятал его в папку.

– Документы и другие вещи останутся у нас. Сейчас вас проводят.

За дверью Константина ждали двое. Они и вправду повели его в сторону вестибюля, но, проводив до крыльца, не раздумывая, толкнули в узкий живой коридор из ментов с дубинками, который вел прямехонько к распахнутой дверце кунга с зарешеченными окнами.

Капитан соврал. Отпускать его на свободу никто не собирался.

* * *

Судя по аккуратному зданию, чистой лестнице и до блеска натертым полам в коридоре, к подобным заведениям относились в этом городе с особым трепетом. По всему было видно, что охрана «работала» с задержанными не покладая рук. А может быть, народ попадался покладистый, исполнительный. Но Константин сделал свои выводы.

«Вряд ли нормальный зэк, находясь в СИЗО, возьмет в руки швабру и щетки и уж подавно не станет чистить парашу, – рассудил он. – Мент с тряпочкой – и вовсе персонаж из анекдота. Выходит, потрудились такие, как эти. – Он оглядел неровную шеренгу, выстроившуюся у дежурки. – А лица-то не тупые. Студенты, инженеры, журналисты... Ну что ж, браво местным ментам! Они нашли достойное занятие для своей интеллигенции. Короче, воплотили заветную мечту советского работяги – всех ученых мордой в парашу! Вот только что здесь делаю я?..»

Это был непростой вопрос, и Константин понимал, что пройдет еще немало времени прежде, чем он сможет на него ответить.

Кто-то впереди шеренги пожаловался на головную боль, на что получил достойный ответ:

– Голова не жопа, на ней не сидеть.

Больше уже никто ни на что не жаловался. Проведя перекличку (и откуда они успели узнать фамилии?), всех задержанных разбили на две группы. Женщин и девушек – их было всего пятеро – куда-то увели, а мужчин всем скопом сунули в одну-единственную свободную на этом этаже камеру. Остальные помещения, по словам заправлявшего всем «базаром» майора, уже были заняты такими же правонарушителями, как и вновь прибывшие.

Параша, находившаяся справа от двери, оказалась и в самом деле вычищенной до блеска. Это можно было увидеть даже при тусклом свете слабой лампы. Сразу же выстроилась очередь из жаждущих справить нужду. Остальные, более мудрые, заняли места на пролежавшем от стены до стены деревянном топчане. Он занимал почти половину помещения, тем не менее не смог вместить всех желающих.

Человек двенадцать задержанных, в том числе и Константин, принялись усердно курить. Благо, сигареты у них не отняли. Народ, вначале хмурый и подозрительно настроенный друг к другу, постепенно разговорился. Сначала несмело – опасались «шестерок». Но вскоре, осо-

знав, насколько глупо искать стукача среди этих одинаково изможденных, а то и откровенно побитых лиц, заговорили громче и увереннее.

Всем было интересно, кто и каким образом сюда попал. Оказалось, что «набор добровольцев» шел в двух местах: одни попали сюда из злополучного сквера Дзержинского, других задержали в районе Театра оперы и балета, там, где начинался митинг. Как по роду занятий, так и по возрасту публика подобралась самая разношерстная. В основном студенты – молодые, горячие и равнодушные. Было немало и таких, как, например, пожилой толстяк в тапочках. Его взяли у мусорного контейнера как раз в тот момент, когда он собирался опрокинуть ведро. Еще один «преступник» выгуливал во двореке свою собаку.

В этот день все отделения милиции были заполнены под завязку, и многих, как и Константина, сначала прокатали по всему городу, а уж потом пристроили сюда. Поговаривали, что к восьми часам вечера задержали человек триста, но аресты все еще продолжались. Когда они закончатся и закончатся ли вообще – этого никто не знал.

– Прилягте, – Константин почувствовал, как кто-то легонько потянул его за рукав.

Обернувшись, увидел коротко стриженного паренька, на вид не старше шестнадцати. Тот взглядом указал на пустующее место у стенки и, как бы извиняясь, добавил:

– Я-то молодой, еще выплусь.

«Ну вот, уже и в старики записали, – Константин воспринял это предложение не иначе как оскорбление, но потом подумал: – А может, он и прав? Ведь то, что для него романтика, для меня – напряг. Он готов воевать со всем миром, доказывая свою правоту, я же с голой пяткой на танк уже не полезу...»

Впрочем, чувствовал он себя и вправду неважно. Поблагодарив парня, забрался на топчан и прилег у стены.

За узкими окнами, расположенными у самого потолка, начало смеркаться. Забывший было о ментах народ, проголодавшись, вновь начал поминать их недобрым словом.

– Неужели, сволочи, даже чаю не дадут? – отчаянно воскликнул кто-то, после чего в камере наступила гробовая тишина.

О еде, как о чем-то самом интимном, сейчас никому не хотелось говорить вслух. Каждый вспомнил о своем доме, о семье, о работе.

– Ребята, если кому надо брюки пошить, обращайтесь, – послышался из дальнего угла сиплый голос. – Обслужим без очереди. Ателье на Берестянской. Вы только спросите Сергея Александровича.

– А я на стройке прорабом вкалываю, – подхватил сосед Константина, сутулый мужик лет сорока пяти. – Слышали про ледовый дворец? Вот его и строим. Давайте ко мне в бригаду. А то мои пофигисты уже достали. Только и умеют, что водку жрать. Даже поговорить с ними не о чем. А вы, я смотрю, хлопцы толковые...

Естественно, шить брюки и устраиваться на стройку никто не собирался, тем не менее все почувствовали какое-то внутреннее родство и уважение друг к другу. Обладатели «фешенебельных» мест уплотнились, выкроив пространство для тех, кому до сих пор пришлось куковать на своих двоих. Однако человек десять по-прежнему остались стоять. Нашелся выход и из этой ситуации – места на топчане решили перераспределять через каждые три-четыре часа, чтобы все могли хотя бы немного поспать.

Таким образом, паренек, уступивший Константину место, вскоре вновь оказался рядом с ним.

– А вы где работаете? – поинтересовался он.

– Вообще-то, я из Москвы, – не стал лукавить Константин. – Вчера приехал и, как говорится, с корабля на бал.

– Москвич, что ли? – не поверил парень.

Константин кивнул. Но если бы он знал, какую реакцию вызовет его признание, наверняка промолчал бы.

– Ребята, с нами москвичи! – завопил паренек, и Константин тут же стал центром всеобщего внимания.

Первым подключился к разговору прораб со стройки.

– Ну, не ожидал, не ожидал... – замотал он головой. – Настоящий мужик! Выйдем отсюда, я проставляю. Меня Гришей зовут, – он протянул руку и крепко сжал ладонь Константина. – Уважаю таких, как ты.

– Как тебе наш батька?.. Неужели вы в Москве не видите, что здесь творится?.. – слышались другие голоса. – Это правда, что в Беларуси обкатывается путь, по которому пойдет Россия?.. Как там у вас зарплаты?.. Продукты дорогие?..

Константин не собирался устраивать здесь пресс-конференцию, но проигнорировать сыпавшиеся со всех сторон вопросы было невозможно.

– Одно могу сказать точно, – устало проговорил он. – Лично мне все это не нравится.

Сосед-паренек, видя, что взятый им под опеку москвич совсем плох, решительно прекратил базар.

Вскоре Константину удалось заснуть, однако остальные задержанные еще долго говорили про Москву, про Россию...

* * *

Окна кабинета полковника Бушенкова, главы особого отдела КГБ, по странному стечению обстоятельств выходили как раз на сквер Дзержинского. Приоткрыв жалюзи, полковник несколько мгновений осматривал идеально подметенные дорожки, свежеевыкрашенные скамейки, рядом с которыми возвышались необычные по дизайну мусорницы. Даже не верилось, что еще два часа назад в сквере происходила самая настоящая бойня – демонстранты, вооружившись камнями и палками, сдерживали натиск спецподразделений милиции. В результате мусорницы были выдернуты с корнем, скамейки повалены, а на бетонированных дорожках виднелись пятна крови. Но не прошло и двух часов, как сквер превратился в объект образцового порядка – дворники, собранные со всего района, потрудились на славу. Даже кровь вычистили и скамейки покрасили, что было совсем в диковинку...

Полковник Бушенков потер уставшие от бессонницы глаза, вытащил из пачки сигарету, повертел ее в тонких пальцах и лишь после этого окинул взглядом своих подчиненных. Михеев и Бондарович стояли перед ним, вытянувшись по стойке «смирно» – грудь колесом, носки раздвинуты, ноздри раздуваются, как у породистых лошадей перед скачкой. Да, в его отделе парни подобралась с отменной фактурой – высокие, розовощекие, с пламенными взглядами. Отдашь приказ броситься в колодец – прыгнут не задумываясь. Скомандуешь: «Огонь!», начнут палить без разбора. Дашь распоряжение кого-то из-под земли достать, воспримут его буквально – начнут рыть землю носом...

«Образцово-показательные дебилы! – не без раздражения подумал полковник и тяжело вздохнул. – Только и умеют, что кулаками махать. А вместо мозгов одна мякина!»

Впрочем, перекладывать вину на кого-то другого было глупо – всех парней в свой отдел он отбирал сам. Предпочтение, конечно же, отдавалось тем, у кого коэффициент умственного развития был ниже среднего. Такие, по мнению полковника Бушенкова, более предсказуемы и легко управляемы. Они не станут обсуждать приказы, а ради того чтобы заслужить благосклонность начальства, пойдут на все.

И вот теперь пришло время пожинать плоды своего труда. Оказалось, что, кроме тупого усердия да развитой мускулатуры, его подчиненные ничем не могут похвастаться. Они совер-

шенно не умели импровизировать и принимать молниеносные решения. Запрограммированные на убийство роботы, да и только...

Выдохнув сизый дым, Бушенков закашлялся и потянулся к чашечке холодного кофе. Михеев и Бондарович продолжали тупо пялиться прямо перед собой. Полковник тянул паузу не для того, чтобы дать возможность подчиненным прочувствовать глубину их проступка. Эти все равно ни черта не прочувствуют – деревянные, как свежеструганные табуретки. Просто ему самому надо было собраться с мыслями и хорошенько обдумать сложившуюся ситуацию. Решить, в конце концов, стоит ли тратить силы и энергию на залетного мужика?

Сутки назад двое парней из отдела Бушенкова попали в больницу с серьезными травмами: на них напал неизвестный мужчина. Все бы ничего, но этот мужик, непонятно каким образом проникший на явочную квартиру КГБ, стал свидетелем сверхсекретной операции. Но, как ни странно, не стал поднимать шума. Бушенков лично проконтролировал все звонки, поступившие в тот вечер на «02», – никто из звонивших не упоминал об убийстве, случившемся на Краснозвездной.

Пострадавшие Шкурко и Садовничий, выполнявшие это секретное поручение, были так шокированы произошедшим, что не смогли толком описать нападавшего. Пока Бушенков колебался – объявлять или не объявлять неизвестного в розыск, тот сам появился на Краснозвездной. К нему был приставлен «хвост» – Бондарович и Михеев. Однако слежка ни к чему не привела – не прошло и часа, как парни потеряли клиента.

Столь явный непрофессионализм подчиненных наводил на неприятные размышления. Именно поэтому Бушенков, несмотря на позднее время, пожелал лично встретиться с провинившимися и попытаться разобраться в причинах произошедшего. И вот теперь, глядя на стоявших перед ним Бондаровича и Михеева, он понимал, что затеял все это зря. Достаточно было прочитать рапорт, который эти двое «сыскарей» положили ему на стол несколько минут назад. Пробежав глазами по строчкам, Бушенков схватился за голову – парни не только делали орфографические ошибки в простых словах, но и не умели связно излагать свои мысли...

– Когда, по-вашему, он заметил слежку? – наконец разжал губы полковник, нервно туша сигарету в пепельнице. – Бондарович, твое мнение!

Бондарович, ярко выраженный блондин с коротким вздернутым носом, щедро осыпанным веснушками, заметно напрягся.

– Думаю, когда из такси вышел! – по-военному отчеканил он.

– Расслабься, ты не на параде! – прикрикнул на него Бушенков и перевел взгляд на Михеева, который как две капли воды был похож на своего напарника, только на полголовы ниже. – Согласен?

– Согласен! – кивнул тот.

– Садитесь, – устало махнул рукой Бушенков. – А то как будто аршин проглотили... Смотреть противно.

Михеев и Бондарович почти синхронно опустили на диван. Под тяжестью их двухметровых тел диван прогнулся и жалобно заскрипел.

– Давайте прогоним все еще раз с самого начала! – Бушенков опустил глаза в рапорт, лежащий перед ним на столе. – Значит, сегодня в одиннадцать тридцать поступил сигнал, что интересующий нас объект вновь прибыл на Краснозвездную, четырнадцать. Так? – Он посмотрел на Бондаровича.

– Так! – кивком подтвердил тот.

– Вы выехали на место и застали его в тот самый момент, когда он выходил из подъезда. Это было в двенадцать сорок две. Объект, ни с кем не входя в контакт, проследовал до ближайшей остановки такси и сел в машину под номером «5714 ММ». Таксиста нашли?

– Он сказал, что клиент попросил отвезти его на улицу Чкалова, но по пути передумал – вышел у ГУМа, – оттарабанил Михеев.

«Из этого следует, что он засек вас, дебилов, еще по дороге! – мысленно усмехнулся Бушенков. – А попросил остановиться у ГУМа, потому что знаком с азами сбрасывания „хвоста“ – уйти от слежки легче всего, затерявшись в толпе... Да, не нравится мне этот залетный, ой как не нравится!»

– Дальше вы проследовали за ним в ГУМ и потеряли его на втором этаже, в секции мужской одежды. Как впоследствии оказалось, объект, прибегнув к помощи продавщицы, купил себе новую одежду и скрылся в неизвестном направлении... Вы хоть сфотографировать его успели?

– Успели! – кивнул Михеев. – Там, в рапорте, имеется фотография... Мы даже предъявили ее для опознания Садовничему и Шкурко. Оба подтвердили, что именно этот мужик напал на них вчера вечером...

– Напал?.. – Бушенков презрительно скривился. – Пусть радуются, что он их только измордовал, а не убил... Кстати, как они? Очухались или все еще в себя прийти не могут?

Бондарович и Михеев дружно заржали.

– Очухались... – принялись рассказывать наперебой. – Шкурко в гипс закатали по самые пятки, а у Садовнического яйца распухли так, что...

– Отставить! – сквозь зубы процедил Бушенков.

Парни недоуменно примолкли. А полковник, в который раз за время этого разговора, подумал, что с подчиненными ему здорово «повезло».

– Значит, вы упустили его в ГУМе... Что конкретно предприняли, чтобы найти его по горячим следам?

– А как его отыщешь, в такой толчее? – вздохнул Михеев. – Аккурат в то самое время проходил санкционированный митинг оппозиции. Народу пришло – тьма. Он, видно, в толпе затерялся... А потом не до него стало. В сквере Дзержинского эти козлы камнями стали бросаться. Пришлось вмешаться...

– Значит, вместо того чтобы заниматься поисками вверенного вам объекта, вы стали помогать милиции наводить порядок? – с угрозой в голосе уточнил Бушенков и изо всех сил стукнул кулаком по столу. – Вы что, совсем из ума выжили?..

Бондарович и Михеев, как по команде, опустили головы и принялись изучать носки своих начищенных до блеска ботинок. Оба были бледны и угрюмы, но явно не врубались, по какой причине полковник вышел из себя.

Глядя на их коротко стриженные макушки, Бушенков вздохнул – что толку орать на этих недоделанных? Надо принимать их такими, каковы они есть, и строить свои планы исходя из имеющихся фактов.

– Ну хоть личность его установить удалось?.. – смягчив тон, спросил он.

– В нашей картотеке он не значится, – не поднимая глаз, ответил Михеев.

Ни слова не говоря, полковник снял телефонную трубку.

– Аринин все еще на месте?.. Пусть зайдет ко мне.

Михеев и Бондарович настороженно переглянулись. Бушенков знал, что они недолюбливают капитана Арина, занимавшего в их отделе должность штатного аналитика, и за глаза называют его «белой вороной», «маменькиным сынком», «бездельником». При желании Бушенков мог бы поставить этих зарвавшихся хамов на место, но не считал нужным делать это. Здоровая конкуренция в отделе, по его мнению, была одной из составляющих успеха...

Аринин появился через три минуты – стройный, подтянутый, одетый с иголочки и с неизменной улыбкой на тонких губах.

– Вызывали? – спросил он, аккуратно прикрыв за собой дверь. На своих коллег, сидевших на диване, он даже не глянул. Похоже, неприязнь была обоюдной.

– Иди сюда... – Бушенков перелистал рапорт и, отыскав фотографию неизвестного, протянул ее Аринину. – Нужно установить личность этого человека.

Несколько секунд Аринин всматривался в снимок, а затем уточнил:

– На него есть какие-нибудь данные?

– Он не местный. Судя по говору, из России. Приехал к нам недавно. Владеет приемами борьбы. Невооружен... Ушел из-под наблюдения наших сотрудников вчера днем... Хитер, изворотлив, быстрая реакция... Ну, что еще? За время наблюдения ни с кем в контакт не вступал.

– В каком конкретно месте его потеряли? – спросил Аринин, продолжая разглядывать фотографию.

– Рядом с ГУМом примерно в час дня. Предположительно влился в ряды демонстрантов.

– К какому сроку требуется установить его личность?

– Чем быстрее, тем лучше... Завтра часам к двенадцати сделаешь?

– Постараюсь, – кивнул Аринин. – Разрешите идти?

– Иди!

Когда капитан вышел, Бушенков переключил свое внимание на Бондаровича и Михеева, весь разговор просидевших тихо, как мыши над крупой. На их абсолютно непроницаемых физиономиях не отражалось ни единой эмоции.

«Твою мать, ну и что же мне с ними делать?.. – подумал с тоской. – Только и умеют, что демонстрантов избивать да оппозиционеров к стенке ставить... А как надо чуток пошевелить мозгами, сразу пас... Может, послать их на военные сборы? Пусть оттачивают мастерство своих кулаков...»

Но в то же самое время Бушенков прекрасно осознавал, что без таких людей, как Бондарович и Михеев, его отдел не заслужил бы определенную репутацию в высших эшелонах власти. Умники на то и умники, чтобы разрабатывать комбинации, а всю грязную работу приходится выполнять таким вот дебилам. Разве заставишь умника заниматься «чистками» населения от инакомыслящих?.. Или прикажешь ему не только хитрый план придумать, но и самостоятельно убрать неугодного политика? Да он, сплошь и рядом начитанный, тут же вспомнит тридцать седьмой год, сопоставит факты и сделает малоприятные выводы. Глядишь, чего доброго, переметнется на сторону противника и направит весь свой нестандартный ум против своих же коллег...

Глава 4

На рассвете «зэки» вновь вспомнили о еде. Кое-кто из них все еще надеялся, что охранники принесут хотя бы чаю. Не принесли. О задержанных вспомнили лишь тогда, когда потребовалось освободить камеру. Ровно в девять всех, и мужчин, и женщин, погрузили в кунг с зарешеченными окнами и со словами: «До скорой встречи!» отправили в суд.

О конечном месте назначения сообщил один из трех сопровождавших их охранников. В ответ никто не возмутился, не возразил и даже не напомнил о правах человека. В то, что через час-другой их судьба будет решена, похоже, поверили все, кроме Константина. Впрочем, и он уже потихоньку свыкся с самыми невероятными вещами. Суд через двенадцать часов после задержания? Почему бы и нет?! Слава богу, что на месте не расстреляли. А ведь могли бы. И никто не удивился бы этому...

«Странный народ, странные порядки...» – В голове у Константина стояла звенящая пустота. Весь его жизненный опыт и здравая логика как-то вдруг, в один момент, обесценились и оказались совершенно бесполезными и даже вредными вещами.

Что будет с ним через час, Константин не знал, а значит, и не мог строить планы на будущее. Подобное положение вещей угнетало его больше всего. В одном он был уверен на все сто – надо как можно скорее выпутаться из этого дерьма. Если не будет иной возможности – бежать. Бежать при первом удобном случае. Не доводя дело до зоны. В то, что впереди его ждет зона, Константин почти уверовал. Вопрос «За что?» вызывал лишь приступ идиотского смеха. Все и так было предельно ясно – его проблема состояла в том, что кто-то там, наверху, неудачно встал с левой и, даже не посмотрев себе под ноги, случайно наступил на него. А потом сделал вид, что ничего не заметил...

Вздрогнув на резком повороте, машина остановилась у небольшого трехэтажного здания.

– Приехали, – объявил один из парней, прижавшись к мутному стеклу.

Ждать пришлось недолго. Минуты через три скрипнул замок, задняя дверца слегка приоткрылась, и показавшаяся в проеме красная рожа в фуражке и с погонами прапора на плечах объявила:

– Выходить, когда позовут. Строго по фамилиям.

Ко всеобщей зависти, двое охранников, демонстративно достав сигареты, соскочили на землю.

– Не дай бог, у кого-нибудь в руках увижу сигарету, убью! – предупредил один из них и захлопнул дверь.

Тем не менее смельчак выискался. В дальнем углу, где он попробовал закурить, слышались глухие удары. Это обделенный всеобщим вниманием охранник напомнил о себе. Народ, естественно, возмутился.

– И ты хочешь схлопотать? – огрызнулся охранник на кого-то.

Но поскольку желающих «схлопотать» оказалось больше, чем он рассчитывал, охранник быстро успокоился. Правда, никто из арестованных больше не решился доставать свои сигареты.

– Сурвило! – наконец назвали первую фамилию. – На выход!

Из кунга выбрался невысокий коренастый паренек и в сопровождении высоченного охранника свернул направо.

«Похоже, дело затянется не на одни сутки», – предположил Константин, но ошибся.

Паренек возвратился в кунг минуты через три и, гордо подняв голову, объявил:

– Пятнадцать суток.

Вслед за ним отправился второй, потом третий. Женщинам снисхождения не делали. Как и в плане очереди, так и в плане наказания. Все, как один, получали по пятнадцать суток. И

никаких штрафов. Через час судьи утомились и объявили перерыв. Впрочем, их можно было понять – выдержать с десятков процессов за столь короткий промежуток времени сможет не каждый. А судьи, они ведь тоже из плоти и крови.

В кунге повисла гнетущая тишина. Для измученных, изголодавшихся людей этот перерыв был, скорее, очередной пыткой, нежели отдыхом. Всем хотелось одного – поскорее бы все это закончилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.